

**ПРИНЦИП РАВЕНСТВА ГРАЖДАН ПЕРЕД
УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОМ И ПРЕДЕЛЫ
СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ**

Татьяна Кленова

*доктор юридических наук, профессор
Россия, Самара, Самарский государственный университет **

**THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF CITIZENS BEFORE
CRIMINAL LAW AND LIMITS OF JUDICIAL
DISCRETION**

Tatiana Klenova

*doctor of juridical sciences, professor,
head of the Chair of Criminal Law and Criminology
Samara State University (Russia)*

Настоящий материал – об определении принципа равенства с учетом специфичности уголовно-правовых отношений, также о том, что принцип равенства не может быть реализован в условиях политически конфликтного уголовно-правового регулирования, деформации профессионального правосознания, чрезмерной свободы усмотрения суда.

Ключевые слова: *российская уголовная политика, принципы уголовного права, равенство перед уголовным законом, судебское усмотрение, профессиональное правосознание.*

This material is about definition of the principle of equality with account of specificity of criminal law relations, also that the principle of equality cannot be realized in the conditions of politically conflict criminal law regulation, deformation of professional legal consciousness, excessive freedom of the judicial discretion.

Key words: *russian criminal policy, principles of criminal law, equality before law, judicial discretion, professional legal consciousness.*

---

* © Кленова Т.В., 2015

Кленова Татьяна Владимировна (Klenova_tatiana@mail.ru), д.ю.н., профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Особенностью современной российской уголовной политики является ускорение уголовно-правового регулирования. Представители государственной власти все чаще обращаются к уголовному закону, видимо, признавая его таким инструментом государственной политики, использование которого дает быстрый эффект обеспечения правопорядка и безопасности. По состоянию на время принятия – 13 июня 1996 г., Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) содержал 360 статей. За время действия из него были исключены 12 статей и введены 94 статьи. Многие статьи менялись многократно (например, ст. 79 УК РФ действует в редакции одиннадцати Законов РФ, в ст. 228 УК РФ изменения и дополнения вносились семь раз). Неизменными остались только 14.7 % от общего числа первоначальных статей УК РФ, действующих в настоящее время (43 статьи Общей части и 10 статей Особенной части)¹. Для сравнения: УК РСФСР 1960 г. действовал 36 лет. По состоянию на время принятия, в нем было 269 статей. Неизменными остались 23 % от общего числа первоначальных статей.

Дестабилизация законодательства сопряжена с рассогласованием его норм и, что не менее опасно, утратой уважения к уголовному закону [5, стр. 24-32; 3]. В этих условиях актуальной стала проблема выбора следующих направлений уголовной политики: стабилизации уголовно-правового регулирования и укрепления режима законности или развития альтернативных уголовному закону источников уголовно-правовых норм и расширения границ судейского усмотрения. В рамках первого подхода обсуждается необходимость либо осуществления полной кодификации уголовно-правовых норм, либо подготовки новой редакции УК РФ. Другой подход предполагает повышение значения судебной государственной власти в сфере уголовного права.

В настоящее время идея ограничения пределов кодификации судейским усмотрением получает все большее одобрение. Судейское усмотрение, т. е. право судьи выбирать один из вариантов предусмотренных или не запрещенных законом вариантов решения по своему убеждению, связано с принципом справедливости, является закономерным при применении общей нормы в условиях конкретных обстоятельств дела. Однако нельзя не признать, когда судейское усмотрение вызвано другими причинами: некачественным законом, межотраслевой и внутриотраслевой несогласованностью нормативного материала, даже если направлено на совершенствование законодательства, то может иметь противоположный результат. Так, не основанное на законе су-

---

¹ Данные приводятся с учетом изменений и дополнений уголовного кодекса Российской Федерации по состоянию на 1 апреля 2015 г.

дейское усмотрение угрожает принципу равенства, что усугубляет конфликты, порожденные преступлениями, и даже может привести к социальным протестным проявлениям. В современной России уже обозначилась неудовлетворенность общества тем, как представители государства реализуют принцип равенства по уголовным делам, например, при создании уголовно-правовых привилегий и (или) дискриминации по национальной принадлежности или с учетом имущественного и должностного положения.

В уголовном законе принцип равенства предусмотрен, но с очевидной декларативностью. В ст. 4 УК РФ провозглашается: „Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств”. Таким образом, воспроизводится конституционное определение принципа равенства перед законом в отношении лиц, совершивших преступления, нет только части о запрете ограничений прав граждан по признакам принадлежностей и не упоминается процессуальное положение о равенстве граждан перед судом.

Содержание общеправового принципа равенства конкретизировала не законодательная, а судебная власть. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, соблюдение принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания; субъекты права при равных условиях должны находиться в равном положении, если же условия не являются равными, федеральный законодатель вправе устанавливать для них различный правовой статус; конституционный принцип, предполагающий равный подход к формально равным субъектам, не обуславливает необходимость предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к разным категориям, а равенство перед законом и судом не исключает фактических различий и необходимости их учета законодателем. Настоящая судебная позиция была закреплена в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2015 г. № 4-П в связи с обоснованием заключения: „Наличие у иностранного лица ВИЧ-инфекции не может являться препятствием для его пребывания и проживания в Российской Федерации” [7]. Требование гарантирования субъектам права равного положения при равных условиях и дифференциации их статуса и ответственности, если условия не являются рав-

ными, содержащееся в разъяснениях Конституционного Суда Российской Федерации, имеет особое значение для уголовного права, где обычно дифференцируется ответственность с учетом возраста, гендерных и некоторых других особенностей субъектов преступления.

К гарантиям принципа равенства относится норма статьи 136 УК РФ, охраняющая право на равенство перед законом. В данной статье несоблюдение конституционного принципа равенства признается преступлением, если оно сопряжено с дискриминацией, то есть нарушением прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Законодательная дефиниция нарушения равенства прав и свобод человека и гражданина отличается пробельностью: в диспозиции ст. 136 УК РФ установлена ответственность только для лиц, использующих свое служебное положение, и не учтена возможность нарушения равенства прав и свобод человека и гражданина недискриминационным путем. Представляется необходимой дополнительная криминализация действий, выраженных в создании не предусмотренных законом привилегии и иммунитета в связи с принадлежностью лица к определенной социальной группе. Такое законодательное решение может способствовать предупреждению преступлений, предусмотренных в УК РФ в ст. 282 „Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства”.

Нормы статьи 282, а также ст. 280 „Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности”, ст. 282.1 „Организация экстремистского сообщества”, ст. 282.2 „Организация деятельности экстремистской организации” и 282.3 „Финансирование экстремистской деятельности” УК РФ тоже призваны быть уголовно-правовыми гарантиями принципа равенства. Однако общественное мнение пристрастно к случаям осуждения по выше названным „экстремистским” статьям Уголовного кодекса, может быть потому, что соответствующие уголовно-правовые запреты воспринимаются как несущие угрозу праву на свободу мысли и слова, а может быть из-за того, что неопределенность и неясность содержания этих статей допускают возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения. То есть в действительности данные нормы не обеспечивают принцип равенства.

Судейское усмотрение, не ограниченное разумными пределами, не соответствует принципу равенства, так как ведет к произволу, а значит, невозможно обеспечить единообразие судебной практики. Соответствующая позиция определена Конституционным Судом Российской Федерации [6].

Государство провозглашает принцип равенства и запрещает посягательства на равноправие, вместе с тем само государство пользуется большой свободой при ограничении прав по критерию социальной принадлежности, устанавливая правила уголовной ответственности и наказания. Есть признаки возвращения в уголовную политику принципа классовости, в постсоветской России первоначально отвергнутого по идеологическим причинам. УК РФ, в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г., поставил в привилегированное положение представителей класса собственников. Этим законом расширены возможности применения штрафа, самого мягкого наказания, как это следует из ст. 44 УК РФ. Тем самым в неравном положении оказываются материально состоятельные лица, которым с учетом их платежеспособности за совершенное преступление будет назначен штраф (ч. 3 ст. 46 УК РФ), и неимущие люди, которые не могут воспользоваться преимуществами альтернативной санкции и должны за аналогичное преступление претерпеть более строгое наказание, чаще всего в виде лишения свободы. С 2003 г. число санкций, в которых штраф – это „главное наказание”, в УК РФ неуклонно увеличивается.

Другой пример. Федеральным законом от 7 марта 2011 года расширены границы судебного усмотрения путем увеличения объема относительно-определенных и альтернативных санкций в 116 статьях Особенной части УК РФ. В большинстве этих статей исключен из санкций нижний предел. Когда устанавливались такие широкие границы судебного усмотрения, очевидно, не учитывалась проблема реализации принципа равенства при назначении наказания. Выравнивание нижнего предела наказания для преступлений разных категорий опасности означает изменение вектора наказания, который, как все яснее видно, направлен в противоположную от преступления сторону. Утрачивается соразмерность санкции общественной опасности преступления, и состав преступления больше не выполняет функцию введения равных стандартов уголовной ответственности. Расширение объема санкций исключает возможность единообразного учета не только общественной опасности преступления, но и личности виновного при назначении наказания, а значит, неизбежны аналогичные решения при существенно различающихся обстоятельствах дела.

Общепринято конкретизировать идею равенства в положениях о социальных, но не юридических принадлежностях. К сожалению, в современном российском уголовном праве стала популярной иная трактовка идеи равенства, с рекомендацией отказаться от специальных уголовно-правовых методов воздействия на лиц, совершивших преступле-

ние, в связи с ранее совершенным преступлением. При этом повышенная общественная опасность повторной и рецидивной преступности не отрицается, но предлагается учитывать принцип справедливости, запрещающий нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление (ч. 2 ст. 6 УК РФ). Таким образом, утверждается равенство граждан перед уголовным законом независимо от того, впервые либо повторно или с рецидивом совершено преступление [2, стр. 5-6].

Такое понимание взаимосвязи принципов права и множественности преступлений отразилось в законодательных решениях. Так, в УК РФ не были воспроизведены нормы УК РСФСР 1960 г. о признании лица особо опасным рецидивистом и об усилении уголовной ответственности за отдельные виды преступлений, совершенные особо опасным рецидивистом. В УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, была закреплена неоднократность преступлений, но в соответствии с Федеральным законом РФ от 8 декабря 2003 г. соответствующие предписания утратили силу. В настоящее время обсуждается рекомендация об исключении из форм множественности преступлений также рецидива преступлений. Аналогичная позиция выражена в Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации (разработанной в Общественной палате РФ в 2012 г.), в которой в ряду направлений уголовно-правовой политики названо не сокращение либо ликвидация явления множественности преступлений, а „уточнение правового значения рецидива преступлений с учетом требований принципа справедливости уголовного права” [1, стр. 8].

Представляется, что сущность принципа справедливости как принципа уголовной ответственности выражена в требовании части 1 ст. 6 УК РФ, в которой указано: „Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного”. Институт множественности преступлений является гарантией реализации данного требования, так как направлен на обеспечение дифференцированного учета общественной опасности единичного преступления и множественности преступлений, соответственно, общественной опасности личности виновного, впервые совершившего преступление, и лица с криминальным опытом, с учетом категории, вида, количества и взаимосвязанности преступлений, составивших множественность преступлений.

Государственная власть не должна надеяться на то, что рецидивная (повторная) преступность перестанет самовоспроизводиться, или что возможно ее ограничение без применения уголовного закона. Ста-

тистика правоприменительных органов подтверждает, что многие лица привлекаются к уголовной ответственности не в первый раз либо не за одно преступление. По информации МВД РФ о состоянии преступности, удельный вес преступлений, совершенных лицами повторно, увеличивается: 40,7% в 2011 году, 46,7% в 2012 году и 49,6% в 2013 году [8]. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2013 г. в России осуждено 735 605 человек, из них 250 345 составили лица с неснятыми и непогашенными судимостями. Это 34 % от общего числа осужденных. Во многих регионах одновременно с уменьшением общего числа осужденных коэффициент рецидивной преступности растет. Например, в Самарской области в 2013 г. осуждено 11 365 человек, среди которых 4 973 (43, 7 %) имеющих неснятые и непогашенные судимости [4]. Очевидно, что официальная статистика не отражает подлинного масштаба преступности, повторных преступлений, в том числе с признаками рецидива, совершается гораздо больше.

Представляется, гарантии реализации принципа права *non bis in idem* логичнее обсуждать относительно конкуренции норм уголовного закона, а не повторности и рецидива преступлений, а также в процессуальном аспекте, в связи с нормами, запрещающими повторное судопроизводство за одно и то же преступление.

Вывод очевиден, в государстве, гарантирующем общеправовые принципы, необходимо признавать взаимовлияние принципов справедливости и равенства, а также других общепризнанных принципов, и самое главное – их особое значение для правосознания законодателей и правоприменителей.

В условиях динамичного развития уголовного законодательства и при увеличении пределов допустимого усмотрения правоприменителей в статьях УК РФ возрастают зависимости правосудия от правосознания и правовой культуры судей и других участников уголовного судопроизводства.

Под правосознанием здесь понимается область сознания, в которой формируется субъективная правовая модель, законодательство и правоприменение воспринимаются и оцениваются с точки зрения соответствия этой идеальной модели, так же выбирается линия поведения. Присущее обществу или социальной группе отношение к правовым ценностям и нормам, также выбор способов и средств решения межличностных и общественных конфликтов составляют основные характеристики правовой культуры.

Задачи уголовного права не могут адекватно выполняться правоприменителями с дезориентированным правосознанием, в котором „идеалы” не соответствуют правовым принципам законности, справедливости, равенства и др.

Негативные оценки качеств и уровня правовой культуры и правосознания являются предпосылками для сужения пределов судейского усмотрения, соответственно – для расширения пределов кодификации.

Литература

1. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 4.
2. Волженкин Б. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1998. № 12.
3. Голик Ю.В. Открою Кодекс на любой странице – и не могу, читаю до конца // Независимая газета. 2013. 5 февраля.
4. Отчёт о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2013 г.// <http://usd.sam.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=175>
5. Рапог А.И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. № 1.
6. Собрание законодательства РФ. 26.07.1999. № 30. Ст. 3988. П. 4, 5.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. 23 марта 2015. № 12. Ст. 1801.
8. http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_102505/;
<http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/804701/>;
<http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/>